

Последний снимок Гайдаю. Стул — тот самый, «бриллиантовый».

И убегаю опять на кухню — там что-то горит.

А они смеются и с радостью записывают — фраза найдена.

ЭТО СЛАДКОЕ СЛОВО — «РЕМОНТ»

Раз в три года наступала эпопея.

— Леня, все закопилось, мне хочется ремонт.

— Ты что? У нас так все хорошо, так чисто.

— Нет, надо делать ремонт.

— Ну, сейчас нельзя — я еще не определился, что буду делать. Вот определился — тогда начнем.

Наступал подготовительный период.

— Будем делать ремонт, Леня?

— Ты что? Нина, сейчас самый ответственный момент. От того, кого возьму снимать, все зависит. Вот начну снимать, и ты начнешь свой ремонт.

Начинаются съемки

— Леня, я начну ремонт.

— Ты что? Сейчас самое главное. От того, что получится, зависит картина.

Потом наступал монтаж — а у меня уже были куплены краски, кисти... Потом премьеры...

— Все. Теперь делаем ремонт.

— Нет, я должен определиться, что буду делать дальше.

Такая сказка про белого бычка. Лишь когда он уезжал в экспедицию, я ухитрялась повернуть эту операцию

дней за пять-десять, обрабатывала огромную квартиру и приезжала к нему высунув язык.

Кстати, он никогда не просил, чтобы я ехала с ним. Но всегда хотел этого.

В ЕДИНСТВЕННОМ ЧИСЛЕ

Не могу сказать, что я его любила. Но ценила безмерно. Я понимала, что это уникальный человек. Единственный в своем роде. Так, как он, — не может никто.

А любить... Я люблю борщ. Или когда идет снег. Это слово я не хочу произносить. Оно никак не вмещает всего... Это было другое. Такое щемящее чувство. Если ему было плохо — мне было просто не по себе. Например, когда люди без юмора обижали его какими-то идиотскими рецензиями. Кстати, и меня он иногда осаживал, когда я заводилась:

— Нинок! У тебя, оказывается, нет чувства юмора.

Это было самое большое оскорбление. И тогда я замыкалась. Хотя и понимала, что он говорит несерьезно. Кстати, он не любил рассказывать анекдоты — скорее, слушать. Например, я знала один анекдот, не очень приличный, но по нынешним временам совсем невинный. И когда мы сидели в компании, и я заявляла, что хочу его рассказать, он реагировал так:

— Нинок! Твой анекдот еще рано рассказывать.

Шло время, люди выпивали-закусывали, и в ход шли уже крупно-солевые анекдоты. Я опять:

— А вот я знаю такой анекдот...

Он брал за руку и тихо говорил:

— Нинок! Твой анекдот уже поздно рассказывать.

ЛАВРОВЫЙ ВЕНОК ПОБЕДИТЕЛЯ

Своя дача была его заветной мечтой. Мы лет десять искали подходящую. Нас все что-то не устраивало. Наконец вступили в мосфильмовское товарищество под Звенигородом. Купили дачу, а оказалось, что она гнилая. Пол весь в грибке. Пришлось ее ломать, причем частями. Все это было мучительно...

Но Леня очень полюбил землю. Может, из-за возраста. Он страшно любил сажать всякие растения. Например, привез из Крыма семечко лаврового листа — этот лавр нам не один горшок разворотил своими корнями.

— Ну что, Леня, теперь бочку будем ставить?

— Ну хорошо. Посадим его на даче.

— Он замерзнет!

— Не замерзнет. Я шатер поставлю.

И ставил. Приезжаем весной — он первым делом бросается к нему. Радовался свежему побегу. Этот лавр теперь растет дома. А сама дача сгорела в 97-м году, когда Лени уже не стало. Ее подожгли. Но друзья помогли восстановить.

КТО КОРМИТ «МОСФИЛЬМ»?

Перестройку он очень хорошо воспринял — как конец болота... Тем более его фильмы постоянно крутили и в кинотеатрах, и по телевидению. У него всегда были потрясающие сборы — и спустя десять лет после выхода фильмов. Но Леня не обольщался насчет авторского права. Ведь еще раньше, когда он спросил директора «Мосфильма» Сизова, где положенный ему процент от проката, тот не моргнув глазом ответил вопросом:

— А чем же мы будем кормить цеха?

И Леня всегда мне говорил:

— Ну что, тебе на жизнь не хватает?

За границей он был бы, наверное, очень богатым человеком... А у нас... Последние годы ему тяжело работало. Он не был лежачим больным, но страдал — на ноге открылась рана плюс эмфизема легких. Причем он курил. И бороться с этим было бесполезно. Но он был счастливый человек — жил только тем, что ему было интересно. Например, играть в карты или на «одноруких бандитах».

Он проигрывал огромное количество денег. Остановить его было нельзя:

— Леня! Так никто не живет!

— Как никто? Я так живу.

Бороться было бесполезно. К тому же я всегда работала сама, и у меня были свои деньги... В 93-м году Волович и Инин написали для него комедийный сценарий о подводной лодке. Но вдруг он сказал:

— Ребята, я, наверное, не смогу...

ВЗОЙДЕТ ЛИ ЧЕСНОК?

В 70 лет у него началось воспаленные легких... Его положили в больницу. Сначала было плохо — в легких накапливалась жидкость. Потом он уже лучше стал себя чувствовать. Я бывала у него каждый день, даже ночевала — он потел, и нужно было переодевать. И вот 19 ноября 1993 года. Стемнело. Он гнал меня:

— Нина, сейчас криминальная обстановка — поезжай домой.

— Нет, Леня, я тебя накормлю и поеду.

Мы читали с ним газету «Шесть соток». Он спрашивает:

— Слушай, а какая у нас на даче земля? Кислая или слабокислая?

— Разная. Там, где грядки, у нас шикарная земля, я ее удобряла, а вообще, наверное, кислая, глина. Там сорняк растет, одуванчики...

— Я посадил такие большие чесночины, а снега нет. Промерзнет земля, и все погибнет.

— Ну будет не озимый чеснок, а яровой.

— Нет, жалко. Такие большие зубчики посадил...

Вздохнул — и все. Прибежали врачи, надели маску... Все бесполезно. Он ушел.

Тромбозомболия легочной артерии — оторвался тромб. Произошла закупорка. К тому же у него была сердечная аритмия. Оказывается, спасти его было невозможно.

...Какое счастье, что я была там и все видела. Что он не мучился, не просил, не звал. Что смерть пришла мгновенно.

...А потом, почти на сороковой день, меня в квартире залило кипятком сверху. Пришли ребята помочь... Я им говорю:

— Это Леня-Водолей. Только понять не могу — почему кипятком?

...Он мне не снится. Но наступают такие моменты... Я его вижу и даже слышу, как он отвечает. Вот я лежу днем дома, отдыхаю. И слышу, как Леня пошел из своего кабинета. Вот закрыл дверь в спальню... Вот пошел поставить чайник — сейчас тот закипит. И он скажет: «Нинок, чай пить будешь?»

Я прекрасно понимаю, что этого нет. Но я хочу, чтобы это было.

Фото из семейного архива Нины Гребешковой.